

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ «ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

С. АГАЕВ

Доктор исторических наук

МОЩНЫЙ подъем подлинно всенародной, антимонархической и антиимпериалистической революции в Иране явился крупным событием международной жизни конца 70-х годов и вместе с тем ярким примером того, что широчайшие массы стран Востока отвергают навязываемые им пути буржуазной социальной модернизации и вестернизации их собственного жизненного уклада. Протivoдействие шахской политике ускоренной капиталистической трансформации иранского общества по западному образцу имело своим следствием обращение различных слоев населения к традиционным культурным и духовным ценностям, среди которых важную роль всегда играла исламская религия. В этих условиях ислам стал знаменем всенародной антимонархической и антиимпериалистической борьбы, а возглавившее революцию мусульманское (шиитское) духовенство после свержения шахского режима постепенно смогло захватить в свои руки всю полноту политической власти в стране.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что движение политического протеста под религиозными лозунгами — это явление, присущее всем народам на определенной ступени их развития. Из этого основополагающего указания вытекает необходимость конкретно-исторического подхода к проблеме использования исламских лозунгов в политических целях. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии говорится: «Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги... каково реальное содержание того или иного движения».

В последние годы в связи с ростом значения исламских лозунгов в политических движениях стран Востока (особенно в свете событий в Иране) термин «исламская революция» вошел в политический лексикон не только западной буржуазной, а отчасти и марксистской историографии. Возникла естественная потребность в точном определении этого понятия. Одна из таких попыток была сделана в вышедшем в 1983 году в СССР справочнике по исламу. «Исламская революция», — говорится в нем, — название, данное руководителями Исламской Республики Иран антишахской антиимпериали-

стической иранской революции 1978—1979 годов. «Исламская революция», по их мнению, должна распространиться на весь мусульманский мир, а затем и охватить земной шар в целом»¹.

Это краткое определение, как видим, фиксируя внимание на изначальном происхождении термина, не раскрывает его объективную сущность, в связи с чем возникает целый ряд вопросов и замечаний.

Во-первых, термином «исламская революция» уже давно оперируют не только руководители Исламской Республики Иран, но и лидеры оппозиционных мусульманских политических группировок в самых различных странах Востока. При этом каждый из них понимает его по-своему. Конечно, обобщение различных, подчас разноречивых интерпретаций этого понятия — дело весьма трудное, но общим ориентиром здесь, по-видимому, может быть в той или иной мере характерная для всех установка на «третий путь развития» (не капиталистический и не социалистический) и особенно на исламизацию всех сторон общественной жизни.

Во-вторых, акцент на субъективные аспекты понятия «исламская революция», который положен в основу приведенного выше определения, явно ограничен даже в самих этих рамках и потому фактически искажает общую картину. Получается, что руководители Исламской Республики Иран стремятся распространить на «земной шар в целом» не что иное, как «антишахскую антиимпериалистическую» революцию.

В-третьих, следует указать на то, что иранские руководители выводят понятие «исламской революции» далеко за пределы периода 1978—1979 годов. Назвав первоначально этим термином революционное движение, свергнувшее в феврале 1979 года шахский режим, Хомейни затем неоднократно говорил, что это не самоцель, а всего лишь средство достижения главной цели — исламизации общества, первым шагом к которой является создание исламской политической структуры. В ноябре 1979 года, в дни захвата американских заложников в Тегеране и отстранения от власти правительства М. Базаргана, Хомейни назвал эти события «второй революцией, более крупной, чем первая». В июне 1981 года, после смещения президента А. Банисадра, некоторые иранские руководители заговорили о «третьей исламской революции».

Ввиду всего сказанного совершенно ясно, что более или менее полное и точное определение понятия и сущности «исламской революции» требует глубокого, методологически выдержанного подхода не только к событиям 1978—1979 годов, но и к последующим этапам развития революционного процесса в Иране, единственной мусульманской стране, где то, что выражается термином «исламская революция», приобрело в какой-то мере черты объективной реальности. Отрицание за этим понятием такого значения, думается, было бы проявлением вульгарно-социологического подхода, предполагающего, что всякая форма политических движений может быть сведена к прямому и строгому выражению интересов какого-то определенного класса, игнорируя значение таких существенных в условиях стран Востока опосредующих факторов, как, например, социально-корпоративные устремления. Подобный подход, помимо прочего, противоречил бы общепринятому ныне мнению об исторической новизне и уникальности современного иранского революционного опыта, хотя его важнейшие особенности, кстати сказать, пока что не получили достаточно четкой оценки.

Начнем с вопроса о том, в каком смысле термин «исламская революция» применим к событиям 1978—1979 годов в Иране.

¹ «Ислам. Краткий справочник». М., 1983, с. 60.

С. М. Алиев, констатируя руководящую роль духовенства в иранской революции, пишет: «Эта особенность, однако, не может стать доводом для выдвигания ошибочного в своей основе тезиса об исламском характере иранской революции 1978—1979 годов. Несмотря на значительную роль религиозных деятелей, иранская революция, естественно, не была движением религиозным»².

Логическую противоречивость и методологическую уязвимость полного отрицания исламских аспектов иранской революции отметил А. Б. Резников: «Иногда в литературе встречаются утверждения, что иранская революция не была исламской. Если термин «исламская революция» связывать с отрицанием того несомненного факта, что в Иране, как и во всех странах мира, имеет место классовая борьба и что наиболее последовательным выражением этой борьбы является революция, то иранскую революцию действительно не следует называть исламской. Но это было бы очень странное и неправомерное толкование данного термина. Иранская революция была не чем иным, как наивысшим обострением классовой борьбы, но вместе с тем, как нам представляется, термин «исламская революция» вполне применим к тому, что произошло в Иране. Интегрирующей идеологией революции был ислам; политическое руководство ею осуществляло шиитское духовенство; лозунгом революции был «справедливый исламский строй»; главной организационной ячейкой, где массы проходили идеологическую и политическую подготовку в антирежимном духе, была мечеть; политические организации буржуазии открыто признавали гегемонию духовенства — все это дает основания к тому, чтобы считать: в Иране произошла «исламская революция». Но толковать этот термин так, будто революция привела к установлению в Иране того строя, который предначертан в исламе, абсолютно неправомерно... Если же иметь в виду политическое руководство революцией, ее идеологию, набор ее лозунгов, ее организаторов, ее вождей, то есть все основания назвать эту революцию исламской»³.

В предисловии к книге А. Б. Резникова Р. А. Ульяновский отмечает, что «с таким сравнительно ограниченным и специфическим пониманием этого термина, очевидно, можно согласиться», и в данной связи подчеркивает, что это само по себе не снимает вопроса о позитивном социальном содержании иранской революции⁴.

Автор этих строк еще в 1981 году предпринял попытку определить характер иранской революции 1978—1979 годов во всей сложности и противоречивости ее внутренней структуры: народная — по движущим силам, методам борьбы и всеобщим требованиям социальной справедливости; антимоноархическая, антиолигархическая, антиимпериалистическая — по основной направленности; буржуазно-демократическая по назревшим задачам и ближайшим результатам (поскольку проявившиеся в ней антикапиталистические тенденции не получили развития); исламская — по руководящей роли духовенства и организационно-идеологической основе⁵. Эта общая оценка была в целом поддержана Р. А. Ульяновским⁶.

Подобное усложнение содержания революционных процессов начало обнаруживаться еще с переходом мирового капитализма в империалистическую стадию.

² С. М. Алиев. Иранская революция 1978—1979 годов и рабочий класс.— «Рабочий класс и современный мир», 1980, № 3, с. 108.

³ А. Б. Резников. Иран: падение шахского режима. М., 1983, с. 155—157.

⁴ Р. Д. Ульяновский. Предисловие.— А. Б. Резников. Указ. соч., с. 7.

⁵ См. С. Л. Агаев. Иран в прошлом и настоящем (Пути в формы революционного процесса). М., 1981, с. 261—262.

⁶ См. Р. Ульяновский. Иранская революция и ее особенности.— «Коммунист», 1982, № 10, с. 109—111.

Вспомним ленинскую оценку первой русской революции 1905—1907 годов, которую обычно характеризуют как первую народную революцию эпохи империализма. Расценивая ее как буржуазно-демократическую по социальному содержанию, В. И. Ленин в то же время отмечал пролетарский характер этой революции — по средствам борьбы и руководящей роли, которую играл в ней рабочий класс⁷. В. И. Ленин предвидел, что революционные движения в странах Востока покажут еще большую сложность и многообразие.

Читатель, безусловно, понимает, что пример первой русской революции используется в данном случае исключительно в общеметодологическом плане с целью обратить внимание на усложнение внутренней структуры революционных движений XX века, и в том числе иранской революции 1978—1979 годов. Во всем остальном указанные две революции являют разительный контраст: если пролетарский характер буржуазной революции в России был фактором, который в принципе мог способствовать е дальнейшему переходу революционного процесса на качественно высшую ступень, то исламские аспекты иранской революции после февраля 1979 года стали фактором, способствовавшим резкому и эффективному торможению революционного процесса в Иране и вместе с тем до некоторых пор особенно сильно вуалировавшим, затемнявшим ее объективное социальное содержание.

Однако до февраля 1979 года исламские аспекты иранской революции еще не отражались каким-либо действенным образом на ее народном, демократическом характере. Во-первых, нет оснований абсолютизировать лидирующую роль духовенства в иранской революции: в самые решающие и критические моменты революционной борьбы не Хомейни руководил массами, а они увлекали его за собою⁸. Во-вторых, было не обоснованно полагать, что мобилизация масс на революционную борьбу осуществлялась путем апелляции к официальной шиитской доктрине. Основную роль в этом сыграли народные аспекты религии, в частности ритуалы и мистерии, представляющие «страсти» мучеников-шиитов. Хотя указанные аспекты религии имели мало общего с официальной шиитской доктриной, это не помешало Хомейни их использовать⁹. В-третьих, организационной ячейкой революции были не только мечеть, но — хотя и в меньшей мере — также такие институты, как университет, базар и т. д.

Таким образом, применительно к событиям 1978-го — февраля 1979 года термин «исламская революция» отражает главным образом те стороны иранской революции, которые с известной долей условности можно отнести к ее формам (или характеризовать как ее формальные признаки). Если попытаться выразить эту мысль короче, то можно (с неизбежным в таком случае риском власть в некотором упрощении) сказать: революция в Иране в 1978-м — феврале 1979 года была народной, демократической по характеру, исламской — по форме.

» » »

Рассмотрим теперь вопрос о том, в каком смысле термин «исламская революция» применим к политическим событиям в Иране в последующий период — после февраля 1979 года. По этому вопросу в литературе еще не высказывалось прямых суждений, поскольку указанный период практически все авторы полностью выводят за рамки революционного процесса в Иране. Насколько такой подход можно считать обоснованным?

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 327.

⁸ Я. Vielle. Le drame révolutionnaire iranien et ses acteurs.— «Politique aujourd'hui», Paris, 1980, n. 1—2, p. 29—30.

⁹ Sp. Akhavi. The Ideology and Praxis of Shi'ism in the Iranian Revolution.— «Comparative Studies in Society and History» Cambridge, 1983, v. 25, No. 2, p. 208.

После победы февральского вооруженного восстания 1979 года, решившего основные проблемы антимонархической фазы революционной борьбы (а тем самым антимонополистические и некоторые антиимпериалистические задачи), пришедшее к власти духовенство сделало все от него зависящее, чтобы направить революционное движение масс в такое русло, в котором усилия по институционализации его исламских организационных и идеологических форм могли бы определять главное содержание народной, демократической революции. Подобный поворот был вполне закономерным для этой социальной прослойки, оказавшейся в силу объективных исторических условий во главе революционной борьбы и преломлявшей общенациональные цели сквозь призму собственных корпоративных интересов.

Основное внимание пришедшие к власти религиозные круги уделяли исламизации всей общественной жизни и — главное — созданию **новой**, исламской политической структуры теократического типа, призванной не только закрепить политическую гегемонию духовенства, но и увековечить социально-экономические условия его существования как корпоративно-социальной прослойки. Именно в соответствии с этими стратегическими целями руководящие деятели Исламской Республики Иран выделяли три этапа «исламской революции»: первый отсчитывался с момента их утверждения у руля государственного правления в результате свержения шахского режима в феврале 1979 года; второй — со времени установления единовластия исламского политического движения в ноябре 1979 года, после отстранения от власти светского либерального течения, представителям которого духовенство поначалу предоставляло некоторые правительственные функции; третий — с дней разгрома в июне 1981 года тех светских групп в рядах исламского политического движения, которые были противниками прямого правления духовенства. На последнем этапе, охватывающем 1982 и 1983 годы, религиозные круги подвергли кровавым репрессиям и большинству левых сил, особенно Народную партию Ирана. В результате духовенство ликвидировало практически не только реальную, но и на данный момент потенциальную антиклерикальную оппозицию и тем самым полностью закрепило свою государственную монополию в форме первой в мире шиитской теократии¹⁰.

Таким образом, в 1979—1983 годах вся деятельность иранского шиитского духовенства, пришедшего к власти на волне народной революции, была подчинена задаче институционализации, конституирования и стабилизации его государственной монополии. Этот исторически уникальный пример свидетельствует о способности религиозно-богословских сил не только возглавить и привести к победе всенародное антимонархическое и антиимпериалистическое движение, но и затем использовать ее плоды в собственных корпоративных целях.

Сочетание иранским духовенством политического радикализма с социальным консерватизмом имеет свою первопричину в шахской политике ускоренной буржуазной модернизации страны, сказывавшейся не только на материальном благополучии служителей культа, но

и на степени их влияния среди широких масс населения и, следовательно, на самих основах их существования. Встав по необходимости на путь революционной борьбы, ибо в сложившихся условиях только на этом пути можно было отстоять право на существование религии и упрочить положение ее адептов, духовенство и после победы антимонархического, антиимпериалистического движения продолжало в отдельных случаях использовать весьма радикальные методы и средства борьбы в своих социально-консервативных корпоративных целях.

Такой характер действий религиозных кругов был обусловлен их противоборством с правыми элементами в самой правящей группе, стремившимися «умерить» правительственную политику с тем, чтобы дать возможность мелкособственническим слоям (а затем и крупной монополистической буржуазии) немедленно и в полной мере воспользоваться плодами революционных завоеваний. Поскольку же основные противоречия между этими элементами и исламским руководством в конечном счете упирались в вопрос о форме государственного устройства, постольку используемые духовенством средства и методы борьбы, будучи «революционными» с точки зрения его социально-корпоративных целей, были псевдореволюционными с точки зрения задач народной, демократической революции.

В своих целях высшее религиозное руководство активно использовало не только правые элементы в правящей группе, но и те левые организации, которые занимали в отношении режима позиции поддержки или нейтралитета. 26 декабря 1982 года иранское информационное агентство ИРНА распространило заявление одного из самых высокопоставленных деятелей режима ходжат-оль-эслама, Хашеми-Рафсанджани, прямо признавшего, что исламское руководство не пошло сразу же на ликвидацию левых и «либералов» потому, что они могли содействовать упрочению режима. Но все же на первых двух этапах «исламской революции» религиозное руководство основное острое своей репрессивной политики направляло не столько против левых организаций — сторонников углубления социального содержания демократической революции, сколько против правых элементов в правящей группе, победа которых сразу же привела бы к утверждению открыто буржуазной и прозападной ориентации правительственной политики.

Именно это обстоятельство обеспечило духовенству на первых двух этапах исламской революции широкую поддержку народных масс, активно участвовавших во внутривнутриполитической борьбе. В результате ему удалось сохранить в глазах политических незрелых трудящихся слоев населения ореол борца против капитализма и империализма, выразителя общенациональных интересов и патриотических чувств. Наряду с патерналистско-благотворительной деятельностью религиозного руководства этому способствовали захват в ноябре 1979 года и более чем 14-месячное удержание на положении заложников сотрудников американского посольства в Тегеране, а также начавшаяся в сентябре следующего года (и продолжающаяся до сих пор) ирано-иракская война, то есть события, на деле широко использованные духовенством в целях планомерной и целенаправленной разрядки революционных и антиимпериалистических настроений широких трудящихся масс.

Показательно, что деятельность высшего исламского руководства способствовала известной дезориентации и значительной части левых сил, не сумевших вовремя различить грань между революционными и псевдореволюционными методами, между антиимпериалистическим и псевдоантиимпериалистическим образом действий, между действительной заинтересованностью религиозных деятелей в сохранении связей с народом и

¹⁰ В заявлениях Центрального комитета Народной партии Ирана, опубликованных в 1983-м — начале 1984 года, дана разносторонняя оценка антикоммунистического курса современного исламского режима страны. Будучи направлен на укрепление авторитарной власти шиитского духовенства путем ликвидации всех проявлений борьбы за демократическое переустройство иранского общества, этот антикоммунистический курс, как отмечается в заявлениях ЦК НПИ, имел одновременно своей целью ухудшение ирано-советских отношений и создание предпосылки для восстановления прерванных в ходе и результате народной революции торговых-экономических и политических связей с капиталистическими странами.

иллюзорностью надежд на их способность выйти за рамки имманентно присущей исламскому духовенству демагогической манипуляции народным движением, мистификации социально-классового и политического сознания трудящихся.

Какое же место занимают события 1979—1983 годов в общем ходе развития революционного процесса в Иране? Можно ли однозначно определять весь этот период как контрреволюционный? Думается, что такая оценка была бы неточной. Этапы «исламской революции» 1979—1983 годов — это, в сущности, этапы постепенно углублявшегося кризиса народной, демократической революции 1978-го — февраля 1979 года, кризиса, составившего нисходящую фазу развития революционного процесса в Иране, в которую он вступил сразу после февральской победы и которая в результате подавления левых сил ознаменовала окончательное установление в стране авторитарного режима в форме исламской деспотии.

Это, конечно, не значит, что хронологические рамки иранской революции следует выводить за пределы февральского вооруженного восстания 1979 года. Интересно в данной связи напомнить принятые ныне в советской историографии общую оценку и периодизацию Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. Хотя в ней выделяются две фазы — восходящая (1789—1794 годы) и нисходящая (1794—1799 годы)¹¹, хронологические рамки революции обычно отсчитываются соответственно первой, восходящей фазе.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что после победы антишахской революционной борьбы иранское духовенство, стоявшее во главе масс, предприняло и в целом смогло довести до успешного конца попытку превратить исламскую по форме революцию в исламскую по содержанию, или, точнее, придать ее формальным моментам содержательное значение. В этом, по-видимому, и состоит политическая суть понятия «исламская революция», которое применительно к периоду 1979—1983 годов приобретает еще большее «право гражданства» по сравнению с предыдущим этапом. В данном случае оно уже выходит за рамки формальных признаков иранской революции, чей народный, демократический характер теперь был кардинально изменен ее исламскими аспектами.

Выше отнюдь не случайно говорилось лишь о попытке иранского духовенства превратить исламскую по форме революцию в исламскую по содержанию. «Всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, — писал В. И. Ленин, — можно довести до абсурда, и она даже неизбежно при указанных условиях превращается в абсурд»¹²

Понятие «исламская революция», при всей реальной значимости этого термина, не может в полной мере выражать объективное содержание революционного процесса в Иране. Если использование такого понятия для обозначения корпоративно-социальных устремлений не противоречит основополагающим принципам марксистской социологии то распространение его на социальную сущность народной, демократической революции прямо шло бы вразрез с этими принципами. Именно такой образ мышления характерен для шиитского духовенства, навязывающего термин «исламская революция» иранскому народу и пытающегося тем самым

«узаконить» свои беспочвенные претензии на роль некоей надклассовой силы. Признание марксистской социологией за шиитским духовенством статуса самостоятельной социальной прослойки, пусть даже многоклассовой по происхождению, отнюдь не исключает факт осуществления им в конечном счете вполне определенных социально-классовых функций.

В этой связи встает вопрос об объективном социальном содержании народной, демократической революции в Иране и роли шиитского духовенства в его реализации. В оценке данного вопроса в литературе уже выявились два в известной мере противоположных подхода.

А. Б. Резников пишет: «Было бы неправильно и необоснованно называть иранскую революцию буржуазной. Развитие Ирана по буржуазному пути отнюдь не ускороно в результате этой революции, буржуазия отнюдь не пришла к политической власти, да она и не осуществляла политического руководства революцией. Кроме того, идеология революции содержала на массовом уровне гораздо более мощный социальный заряд, гораздо более явный порыв к социальным изменениям, к переустройству общества, чем это бывало в буржуазных революциях прошлого... Лучше всего будет назвать ее народной революцией, социальные устремления которой остались нереализованными, хотя тяга к «справедливому общественному строю» была, конечно, выражением антикапиталистического порыва трудящихся»¹³. Характеризуя идейные воззрения Хомейни, автор ограничивается указанием на их социальный утопизм.

Р. А. Ульяновский по поводу сказанного выше справедливо отмечает, что признание народного характера иранской революции не снимает вопроса о классовом содержании этой революции. «Конечно, в ее результате буржуазное развитие страны (в узкоэкономическом смысле) отнюдь не ускороно, а буржуазия не получила прямую политическую власть. Однако нельзя не отметить, что революция в известной мере подключает к процессу социальной модернизации остававшиеся ранее вне его огромные по численности традиционные слои, связанные с мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладом, то есть слои, значительная часть которых является не только потенциальным, но и реальным носителем буржуазных отношений. Ликвидировать или хотя бы ограничить монополистическую верхушку, чье экономическое господство обеспечивали монархия и империализм, — такова была главная задача, стоявшая перед этими слоями и определившая классовое содержание антимонархической и антиимпериалистической революции в Иране»¹⁴. По вопросу о воззрениях Хомейни автор пишет: «Социальная утопия может быть формой социального действия, соответствующего интересам какой-то определенной классовой прослойки (вспомним ленинский подход к идеологии народничества)»¹⁵

Если А. Б. Резников фактически отрицает связь между политической деятельностью духовенства и социальными интересами буржуазии, то молодой советский иранист Л. Е. Складов в своей интересной во всех отношениях работе настолько жестко детерминирует эту связь, что представляет выражение интересов различных слоев буржуазии как элемент вполне осознанной тактической и стратегической линии духовенства. По его мнению, религиозные деятели, провозгласив себя поначалу защитниками интересов мелкой буржуазии, видели в этом лишь средство ее привлечения на свою сторону в ходе революции и в процессе послеволюционной борьбы за власть, а добившись своих

¹¹ См. В. М. Палин. Предисловие.— А. З. Манфред. Великая французская буржуазная революция. М., 1938, с. 12; В. Г. Ревуцков. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983, в. 4-5.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

¹³ А. Б. Резников. Указ. соч., с. 156—157.

¹⁴ Р. А. Ульяновский. Предисловие, с. 11.

¹⁵ Там же, с. 9.

целей, отбросили мелкобуржуазные лозунги и заняли откровенно буржуазные позиции¹⁶.

Подобный подход, думается, так же неприемлем, как и предыдущий. Хотя основную социально-классовую базу духовенства с самого начала действительно составляли представители мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала, политика религиозных деятелей выражала их интересы не прямо и непосредственно, не сознательно и целеустремленно, а лишь своим общим объективным содержанием. Субъективно для духовенства как прослойки, стремившейся в первую очередь отстоять свое право на существование, более важным было обеспечение насущных нужд широких слоев народа, составлявших его главную политическую опору в борьбе за достижение собственных корпоративных целей. Именно поэтому религиозные деятели сразу после февральской победы санкционировали проведение целого ряда патриархально-благотворительных, патерналистских мероприятий. Отражение духовенством мелкобуржуазных интересов в значительной мере обуславливалось его объективным положением в обществе, образом жизни и исторически сложившимися социальными связями¹⁷. Что касается последующих тенденций в сторону сближения и с крупной монополистической буржуазией, все более открыто и явно проявлявшихся в социальной политике мелкобуржуазного по классово-сути режима, то они обусловлены не столько сознательным политическим выбором, сколько давлением экономической необходимости. Нельзя не учитывать и имманентно присущую мелкой буржуазии потенцию относительно быстрого перехода на откровенно буржуазные позиции.

Сказанное дает возможность определить самую важную особенность современного иранского революционного феномена, обуславливающую его новизну и уникальность. Она, очевидно, связана с тем нередким в мировой революционной практике явлением, что буржуазная по объективному социальному содержанию революция часто имеет народный характер — по движущим силам, методам борьбы и всеобщим требованиям социальной справедливости. Такого рода революции, как неоднократно отмечали классики марксизма-ленинизма, обычно реализуют свое содержание путем острой борьбы (открытой и завуалированной) между их буржуазным руководством и движущими силами. То же в общем-то имело место и в развитии иранского революционного процесса после февральской победы. Но с одной существенной разницей.

В отличие от прошлых буржуазных революций, имевших народный характер, объективное социальное содержание иранской революции реализовывалось в борьбе не двух, а трех начал. «Исламская революция» духовенства, претендующего на роль надклассовой силы, противостояла народной революции не прямо, а опосредованно — через либерально-буржуазную тенденцию, носителем которой, как уже отмечалось, выступала прозападно настроенная интеллигенция. Поставив ее представителей формально у руля исполнительной власти, духовенство закрепило свои возможности манипуляции народным движением и мистификации классового и политического сознания трудящихся масс. Но это обстоятельство само по себе предопределяло отрыв религиозных деятелей от их политической опоры, что, в свою очередь, порождало потребность укрепления связей с теми общественными слоями, которые объективно составляли их основную социально-классовую базу.

Последующее отстранение от власти представителей либерально-буржуазной тенденции духовенством, взявшим с тех пор на себя прямую ответственность за руководство государственным управлением, тем более не могло пройти для него бесследно. Переход к непосредственному правлению религиозных деятелей, не способствовав установлению полного единства мнений в высших эшелонах государственной власти, в то же время поставил духовенство в целом в положение, в котором до него находились правительство Базаргана и президентская власть Банисаadra. Иначе говоря, подавив «термидорианские» тенденции либерально и прозападно настроенных кругов интеллигенции, религиозные деятели, естественно, оказались безоружными перед неизбежностью собственного «термидорианского» перерождения.

В этих условиях главной задачей духовенства — наряду со стабилизацией и упрочением исламского режима, наиболее полно соответствующего корпоративным интересам служителей культа, — стало укрепление его экономических основ. Потребности восстановления народного хозяйства, дезорганизованного, а отчасти и разрушенного в ходе антишахских революционных боев и ирано-иракской войны, равно как и нужды самой этой войны, неминуемо вели религиозных лидеров к «примирению» с представителями крупного национального капитала, оттесненного ранее от основных рычагов не только политической, но и экономической власти.

В результате всего этого на третьем этапе кризиса народной, демократической революции «исламская революция» духовенства, уже практически добившаяся всех стоявших перед нею целей, в полной мере обнаружила свою буржуазную социальную сущность. Популистская окраска выдвигаемых «сверху» лозунгов сохранилась лишь в той мере, в какой это было необходимо для ведения войны с Ираком и предотвращения массовой оппозиции теократическому режиму. Буржуазная контрреволюция — опять же в исламском обличье — начала свое победное шествие.

Исходя из всего сказанного, можно предложить следующую дефиницию.

«Исламская революция» — основной лозунг различных по характеру исламских политических движений во многих странах мусульманского Востока, причем каждая организация и группа вкладывает в это понятие собственное содержание. Общим для них является установка на исламизацию всех сторон общественной, экономической, политической и семейной жизни граждан своих стран и прокламация «третьего пути» развития, отличного от капитализма и социализма. Единственной мусульманской страной, где этот лозунг получил практическое воплощение, является Иран, в котором «исламская революция» приобрела характер специфического политического движения, возникшего в ходе и результате народной, антишахской и антиимпериалистической революции 1978-го — февраля 1979 года и выразившего главным образом социально-корпоративные устремления иранского духовенства, получившие удовлетворение в создании в стране первой в мире шиитской теократии. Лозунг «исламской революции» с самого начала выступал здесь не столько в качестве средства мобилизации широких народных масс на общедемократическую борьбу, сколько как орудие манипуляции массовым движением и мистификации классового и политического сознания трудящихся. Проведение в жизнь этого лозунга после февраля 1979 года вызвало кризис народной, демократической революции и затем объективно открыло путь буржуазной контрреволюции.

¹⁶ См. Л. Е. Скляров. Становление новых органов власти в Иране (1978—1981). — «Иран: история и современность» Статьи М., 1983, с. 97—218.

¹⁷ М. Fisher. Iran. From Religious Dispute to Revolution. Cambridge, 1980, p. 102.